

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ИИСУСА ХРИСТА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ольга ГЕРЛОВАН, Юлия МОШНЯГА

Тираспольский государственный университет

În articol se examinează problema interpretării chipului evanghelic al lui Isus Cristos de către scriitorii ruși, specificul întrupării lui artistice în operele lor. În literatura medievală și în literatura secolului al XVIII-lea, întruparea chipului lui Cristos a fost posibilă doar în context sacru și sacralizat. Chipul lui Isus Cristos capătă pentru prima dată întrupare artistico-literară în literatura rusă abia în secolul al XIX-lea în creația lui I.S. Turgenev. Pe baza analizei operelor scriitorului, se ajunge la concluzia că Turgenev îl redă pe Cristos urmând tradiția evanghelică.

In this article the problem of interpretation of Jesus Christ evangelical type by Russian writers is considered, the specific character of its artistic embodiment in the Russian writer's works. In the Medieval literature and literature of 18th century the embodiment of the Christ type was possible only in the sacral and sacralized context. The Jesus Christ type gets literary-artistic embodiment for the first time in the Russian literature only in 19th century and exactly in the works of I.S. Turgenev. On the base of analysis of writer's works the conclusion is made that Turgenev portrays Christ, following the evangelical tradition.

Русская литература, да и русская культура в целом, как выразительница загадочной русской души, как носительница гуманизма и высшей духовности не состоялась бы таковой без «величайшего духовного и политического переворота нашей планеты» (А.С.Пушкин), каким явилось христианство.

Тема Христа и христианства волновала воображение не одного поколения русских писателей и поэтов, что обусловило наше внимание к вопросу интерпретации евангельского образа Христа русскими художниками слова, к тому, как и каким изображается, воспроизводится Он в литературно-художественных произведениях.

Общеизвестно, что Христос является центральным персонажем евангельского текста. В синоптических Евангелиях повествуется о рождении Иисуса Христа, о внешних событиях Его жизни – чудесах, путешествиях, беседах, однако его внешний облик не детализируется. Так, евангелист Матфей подчеркивает в облике Христа лучезарность, светоносность Его: «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» [Мф. 4:16]; «И преобразился перед ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет» [Мф. 17:2]. Евангелист Марк отмечает следующее: «Одежды его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» [Мк. 9:3]. Как видим, оба евангелиста для внешней характеристики облика Христа используют близкие сравнения – лицо просияло как солнце, одежды, белые как снег, как свет. Солнце, свет, снег выступают здесь символами явленности Божественного в образе Иисуса Христа. В Евангелии от Иоанна прямо звучит утверждение, что Бог – это свет: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» [Ин. 12:35-36]. Эстетика света приобретает первостепенное значение для характеристики Иисуса Христа в Евангелии. Заметим, что уже в античности представление о свете шло от солнца и огня. У Платона все прекрасное, совершенное определяется через светлое, яркое, блестящее и максимально ясное, поскольку высшая идея сущего есть солнце. И на протяжении всей своей истории христианская эстетика будет развивать эту концепцию: византийский богослов Симеон Новый (XI век) будет утверждать, что «Бог есть свет», Григорий Палама (конец XIV – XV в.) разработает учение о Фаворском Свете, Николай Кузанский (XV век) определит вечный божественный свет и высшее сияние как универсальную форму и источник видимого бытия. Можно предположить, что образ Света, используемый авторами Четвероевангелия для описания Иисуса Христа, позволил подчеркнуть Его совершенство. Иисус Христос совершенен соединением в себе небесного, Божественного, и земного, Человеческого: Он делит кров и пищу с мытарями и грешниками, исцеляет простых людей, прощает грехи. Ему присущи различные человеческие чувства, сильные эмоции: Он «кроток и смирен сердцем» [Мф.11:29]; Он строг, яростен и гневлив, если вера попорана – «И вошел Иисус в храм Божий, и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опро-

кинул столы меновщиков, и скамьи продающих голубей» [Мф.21:12]; «Но Он строго запрещал им, чтобы не делали Его известным» [Мк.3:12]; «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море» [Мк.9:42]; «Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходите ко Мне» [Мк.10:14]; Он способен на сопереживание и удивление – «Увидев ее, Господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь» [Лк.7:13]; «Услышав сие, Иисус удивился ему и обратившись сказал идущему за ним народу: сказываю вам, что в Израиле не нашел Я такой веры» [Лк.7:9]; Он сам нуждается в участии и утешении, подвержен слабости в минуты отчаяния – «Говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет. Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его» [Лк.22:42-43]; «В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои, Элои! Ламма савахфани?», что значит: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» [Мк.15:34].

Следует отметить, что в Евангелии от Луки приводятся некоторые биографические данные Иисуса Христа, что подчеркивает его земное начало («И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник» [Лк.2:42]; «Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев» [Лк.3:23]). А в Евангелии от Иоанна выделяется по преимуществу божественная природа Христа («Он сказал им: вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» [Ин.8:23]; «На это сказали Ему иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет, и Ты видел Авраама? Иисус сказал им: истинно, истинно говорю Вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь» [Ин.8:57-58]). Кроме того, на протяжении всех четырех Евангелий Иисуса Христа называют по-разному: Сын Человеческий, Сын Божий, Спаситель Мира, Мессия, Пророк, Ищущий и Судящий, Равви (учитель), Пастырь, Учитель, Наставник. Все эти названия, одновременно используемые по отношению к одному лицу, призваны подчеркнуть двуединую, человеческую и божественную, природу Христа и его основное предназначение – явить миру совершенство.

Евангельский Иисус Христос представлен не через описание внешних данных, портрета, а большей частью через речь, которая полна сравнений, аллегорий, метафорична и притчеобразна, и деяния. Иисус через притчи открывает людям истину, которую они не воспринимают в своей обычной жизни, с целью их приближения к совершенству.

Можно предположить, что отсутствие портретного описания, внешности Иисуса Христа подчеркивает, с одной стороны, обычность его внешнего облика, ничем неприметного, а с другой – обусловлено сосредоточенностью авторов на внутреннем мире Иисуса, Его духовном начале, что обуславливает его святость.

Между тем, каждый совершенно ясно представляет себе внешний облик Иисуса Христа благодаря Его иконописному изображению. «Ни один элемент лица не подчеркнут чрезмерно – все пропорционально и согласовано: Он рус, глаза его не преувеличены, нос прямой и тонкий, рот мал, овал лица хотя и удлиненный, но не узкий, в нем совсем нет аскетичности, голова с густой массой волос со спокойным достоинством возвышается на сильной, стройной шее. Самое значительное в новом облике – взгляд. Он направлен прямо на зрителя и выражает живое и деятельное внимание к нему; в нем чувствуется желание вникнуть в душу человека и понять его. Брови свободно приподняты, отчего нет выражения ни напряжения, ни скорби, взгляд ясный, открытый, благожелательный. Перед нами как бы сильный деятельный человек, который имеет достаточно душевных сил, чтобы отдать себя на поддержку тем, кто в этом нуждается» [2, 120], - писала Н.А.Демина, исследуя творения А Рублева.

Евангельские и иконописные изображения в своей совокупности создают целостный, единый, живой образ Христа, в котором неразделимы небесное и земное и высвечивается идеал, с которым соотносится смысл и ценность человеческой жизни.

Литературно-художественное воплощение образ Иисуса Христа впервые получает в русской литературе лишь в XIX веке, что обусловлено спецификой, своеобразием развития русского художественного сознания.

В русской средневековой культуре и культуре XVIII века образ Иисуса Христа принадлежал к кругу сакральных ценностей высшего порядка (что, впрочем, относится и к более поздним временам). Воплощение Его возможно было только в сакральном и сакрализованном контексте: евангельском тексте, литургической лирике, учительной литературе. По мнению О.А. Савельевой, единственным книжным текстом до XVII века, который выводил Христа «как бы на периферию сакрального, было

апокрифическое Евангелие Никодима», однако «о художественной разработке образа Христа ... говорить не приходится». О.А. Савельева рассматривает анонимную апокрифическую повесть XVII века «Страсти Христовы» как «первую в русской литературе осторожную попытку включить образ Христа именно в художественный контекст» [5].

Образ Христа появляется в своеобразном лирическом дневнике последних лет И.С. Тургенева – «Стихотворениях в прозе» (1878-1882). Писателю не была свойственна определенная концепция мировоззрения – он как бы колеблется на границе веры и неверия, он признает «живую душу» в человеке, но избегает говорить о Божественном начале. Вместе с тем приход Тургенева к теме Христа не был случаен: все его творчество – это утверждение духовности, высокой нравственности, идеала. В статье «Гамлет и Дон Кихот» (1860) он прямо заявил, что для всех людей идеал – «цель их существования», выразил преклонение перед высоким началом самопожертвования и отметил существенные духовно-нравственные черты: самоценность, абсолютное бескорыстие в стремлении к идеалу – «правде, красоте, добру». Тургенев свое понимание сущности духовного отношения к миру определил как «веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, находящуюся вне отдельного человека, не легко ему дающуюся, требующую служения и жертв, – но доступную постоянству служения и силе жертвы». Воплощением духовности и является для Тургенева герой Сервантеса, «смиранный сердцем», «великий духом» и «смелый», «чуждый тщеславия», не сомневающийся, умирительно набожный, «самое нравственное существо в мире...». «Дон Кихот проникнут весь преданностью идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью: саму жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле» [7, XI: 170-171]. Далее Тургенев особо отмечает, что «он весь живет вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам...<...> он не заботится о себе, он весь самопожертвование» [7, XI: 171]. Отмеченные качества с полным основанием можно отнести и к интересующему нас евангельскому персонажу. Образ Дон Кихота созвучен образу идеального человека – Иисуса, что, собственно, и предопределило обращение Тургенева к художественному воплощению Иисуса Христа. Кроме того, последнее было обусловлено и широко обсуждавшейся в те годы философами и историками проблемой реально-исторической личности Христа, когда возникла идея написать реалистическую биографию Христа в противовес каноническим евангельским текстам (трактат «Жизнь Иисуса» Д.Штрауса, «Жизнь Иисуса» Э.Ренана). Русские художники, скульпторы, писатели не остались в стороне в попытках создать художественный образ Христа (А.Иванов, И.Крамской, М.Антокольский, Ф.Достоевский, Н.Лесков и др.) [7, VIII: 508].

Стихотворение «Христос» (1878) – сюжетная миниатюра, действие которой происходит в «низкой деревенской церкви». Авторское воображение уносит нас в прошлое: он видит себя мальчиком, с которым произошел удивительный случай – встреча с Христом. Однако использование таких глаголов, как «почувствовал», «почудилось», «пришел в себя» создает впечатление сна, «лучезарного видения» (П.В. Анненков). Необычность, чудесность происшедшего поддерживается фрагментарностью композиции – «вдруг», «неожиданно»; состоянием лирического героя – «умиление, любопытство, страх», «жутко»; местом действия – «церковь», «старинные образа», «восковые тонкие свечи», теплившиеся «красными пятнышками». Описание места действия передает удивительную атмосферу в церкви, атмосферу покоя, тишины, умиления, доброты, сопричастности, подготовившую неожиданную встречу: «Красными пятнышками теплились перед образами восковые тонкие свечи. Радужный венчик окружал каждое маленькое пламя. Темно и тускло было в церкви... Но народу стояло передо мной много. Всё русые крестьянские головы. От времени до времени они начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрелые колосья, когда по ним медленной волной пробегает летний ветер» [7, VIII: 494].

В центре внимания – Христос, что определено уже самим названием произведения. Герой видит перед собой «лицо, как у всех, – лицо, похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нем, как на всех» [7, VIII: 494]. Описание увиденного говорит не об исключительности, а об обычности Христа: он такой же, как мы, что не может не вызвать у героя сомнения в реальности увиденного: «Какой же это Христос!.. Такой простой, простой человек! Быть не может!» [7, VIII: 494]. Заметим, что именно таким пришел Господь на землю, как предсказывали пророки, «не имея ни вида, ни величия» [4, 16]. Тургенев изображает

Христа, следуя евангельской традиции. Перед нами своеобразный литургический образ – лик, передающий неизреченную высшую духовную сущность человека. Автор не случайно трижды повторяет «лицо, похожее на все человеческие лица», определение «простой» по отношению к Христу, поскольку именно Он объединяет в себе и выражает собой человеческое начало – высшую духовность. Образ Христа неподвластен слову человеческого языка, его надо пережить в себе.

Стихотворение «Христос» – плод размышлений, раздумий автора о вере, о Боге, о душе, приведших к постижению носителя незыблемых ценностей – «правды, красоты, добра».

Литература:

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Заветов. - Москва, 1968.
2. Демина Н.А. Русская иконопись. - Москва, 1998.
3. Лебедев Ю.В. Тургенев. - Москва, 1990.
4. Мень А. Библия и литература. Лекции. - Москва, 2002.
5. Савельева О.А. Русский апокрифический Христос: к постановке проблемы // *Slavia Orientalis*. - Т. LII. - 2003. - №2. - С.159-178 – www.philologu.ru/literature2/savelyeva-03.htm
6. Степанов Н. Религия И.С. Тургенева. - Саратов, 1913.
7. Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12-ти тт. - Москва, 1956, т. VIII, с.494, 506; т. XI, с.168-187.
8. Шаталов С.Е. «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева. - Арзамас, 1961.
9. Шаталов С.Е. Художественный мир И.С. Тургенева. - Москва, 1979.

Prezentat la 02.05.2007